

НЕСКОЛЬКО ВСТРЕЧ С В. Л. КОМАРОВЫМ

З. И. Гутникова

(Биолого-почвенный институт)

О В. Л. Комарове я впервые услышала в 1929 г. от его ученицы, ближайшей сотрудницы и соавтора двух определителей растений Дальневосточного края—Е. Н. Клобуковой-Алисовой, под руководством которой я начала работать в области ботанического ресурсосведения. Евгения Николаевна довольно часто рассказывала нам, тогда юным практикантам Ботанического кабинета Южно-Уссурийского отделения государственного Русского Географического общества, об увлеченности Владимира Леонтьевича наукой, талантливости его, о необычайном трудолюбии и большой скромности. Находясь в регулярной переписке с ним, она всегда была в курсе его ближайших дел и намерений. И вот однажды Евгения Николаевна сообщила нам, что летом 1930 г. Владимир Леонтьевич собирается посетить Южно-Уссурийский (ныне Приморский) край. И действительно, в августе он прибыл в г. Уссурийск (в прошлом Никольск-Уссурийск), где находилось Географическое общество, с которым у ученого были давние деловые контакты. В этой связи в моей памяти сохранился эпизод, рассказанный Евгенией Николаевной.

Высадившись в полночь на перроне уссурийского вокзала, супруги Комаровы по досадному недоразумению никем не были встречены. Взяв извозчика, они добрались до дома, где проживала Е. Н. Клобукова-Алисова. Однако, несмотря на дождь, не захотели беспокоить хозяйку и с 4 до 7 часов простояли у двери ее квартиры.

Моя встреча с В. Л. Комаровым состоялась на Кривом ключе, где находилось опытное хозяйство вышеназванного отделения Географического общества. Он прибыл поздним вечером на простой телеге, запряженной парой отличных лошадей. Кроме жены, с ним были Е. Н. Клобукова-Алисова, альголог А. Г. Хахина и супруги Самойловы. Несмотря на явную утомленность, Владимир Леонтьевич пожелал познакомиться со всеми обитателями Кривого ключа. Помню, когда была названа моя фамилия, он не расслышал ее и переспросил, а после уточнения произнес: «А, от слова гут, значит должна быть доброй и хорошей».

В. Л. Комаров провел на Кривом ключе около недели. Со всеми нами экскурсировал в верховья этого небольшого притока р. Спутинки. Собирая интересные его виды растений, рассказывал о своих первых путешествиях по Дальнему Востоку. Несмотря на то, что среди нас были опытные сборщики растений, готовые в любую минуту помочь Владимиру Леонтьевичу, все, что было связано с гербаризацией, он делал сам. По возвращении на базу, Владимир Леонтьевич прежде всего приводил в порядок свои ботанические сборы и только после этого садился к столу. Завтракали и ужинали мы все на базе, за большим круглым столом, а обедали в тайге, готовя пищу на костре. Посетил Владимир Леонтьевич и «плантацию» женышена с ее двадцатью четырьмя разновозрастными растениями. Находясь в числе лиц, сопровождавших Владимира Леонтьевича, я не переставала удивляться его простоте, какой-то исключительной доброжелательности к людям и большому знанию растений. Мне трудно было понять, как это можно знать не только все наши деревья и кустарники, но и каждую травку. Проводы Владимира Леонтьевича с Кривого ключа были очень теплыми.

В середине лета 1932 г. В. Л. Комаров вновь посетил любимый им Дальний Восток. Первым долгом приехал на только что созданную Горно-таежную станцию АН СССР, основная база которой располагалась в селе Кондратенково (ны-

пе Баневурово). Владимир Леонтьевич с женой Надеждой Викторовной остановились в одной из комнат Ботанического кабинета станции, до отказа заставленной шкафами. В них хранился богатейший гербарий дальневосточной флоры, созданный в свое время Е. Н. Клобуковой-Алисовой и критически переопределенный В. Л. Комаровым. С нами, тогда молодыми сотрудниками станции, он встретился как со старыми знакомыми, уже в какой-то степени причастными к его науке — ботанике.

После недолгого пребывания в Кондратенково Владимир Леонтьевич отправился в Супутинский заповедник. Здесь он провел несколько дней, в продолжение которых знакомился со строительством центральной базы, разговаривал с рабочими, жившими тогда в невероятно тяжелых условиях, экскурсировал по ближайшим к центральной усадьбе участкам. С интересом осмотрел первые в заповеднике опытные посадки женьшеня, сделанные А. М. Скибинской, в которых насчитывалось около 200 растений.

По возвращении Владимира Леонтьевича в село Кондратенково было созвано общее собрание работников Горно-таежной станции. На нем ученый сделал доклад с обстоятельным изложением целей и задач этого вновь созданного учреждения, подчеркнул необходимость размещения центральной базы станции не в Супутинском заповеднике (как намечалось первоначально), а на Кривом ключе.

По истечении года сотрудники Горно-таежной станции вновь встречали В. Л. Комарова и Надежду Викторовну. Вместе с ними прибыли любимый ученик Владимира Леонтьевича А. С. Порецкий и талантливый ботаник-дальневосточник И. К. Шишкин. В Кондратенково они были тепло встречены Е. Н. Клобуковой-Алисовой, занимавшей тогда пост заместителя директора станции. Помимо ознакомления с деятельностью Горно-таежной станции, Владимир Леонтьевич, как и в предыдущий свой приезд, совершил несколько маршрутов по окрестностям села Кондратенково, Кривого ключа и по Супутинскому заповеднику.

Летом 1935 г. В. Л. Комаров снова посетил Дальний Восток. В село он приехал на легковом автомобиле, бывшем тогда чрезвычайно редким в наших условиях видом транспорта. Кроме Надежды Викторовны, с ним прибыли ученый секретарь Дальневосточного филиала АН СССР Артемий

Сергеевич Порецкий и другие лица. Высоких гостей встречал молодой директор станции Д. П. Воробьев, которого Владимир Леонтьевич хорошо знал как прекрасного ботаника-флориста. После непродолжительного пребывания в селе, все еще центральной базе станции, Владимир Леонтьевич пожелал побывать в Спутинском заповеднике. До Спутинского деревообрабатывающего комбината, расположенного в устье р. Волхи, он ехал в легковом автомобиле, а дальнейший отрезок пути (около 12 км) с семьей бродами через р. Спутинку—на подводе. Молодые сотрудники станции, в том числе и я, ушли в заповедник пешком. В этот свой приезд он побывал на скалах Солнцова ключа, с которых открывается во всем своем великолепии панорама заповедника, экскурсировал по юго-восточным склонам р. Каменки, покрытым грабовыми кедровниками, типичнейшими для юга Приморья местообитаниями женьшеня. Очень обрадовало Владимира Леонтьевича нахождение им этого редкого растения. Однако он не стал выкапывать его, а взял для гербария только надземную часть с ее ярко-красными плодами. Посетил по обыкновению и опытные посадки женьшеня. Мне, посвятившей впоследствии значительную часть своей жизни изучению женьшеня, приятно вспоминать, что Владимир Леонтьевич относился к нему с большим интересом, как к растению, по своим целебным свойствам достойному скорейшего введения в культуру. Он и А. С. Порецкий всячески поощряли начатые в середине 40 годов Г. Э. Куренцовой и мной исследования по женьшеню.

В зиму 1935—1936 гг., получив первую научную командировку в центр, я около трех месяцев находилась в Ленинграде, где работала в Ботаническом институте АН СССР. Здесь сравнительно часто встречалась с В. Л. Комаровым. Посчастливилось мне прослушать несколько его лекций в Ленинградском государственном университете. При встрече со мной Владимир Леонтьевич всегда был приветлив, всякий раз спрашивал, как я устроена и есть ли у меня деньги.

В феврале 1936 г. находящиеся в Ленинграде Д. П. Воробьев, А. И. Куренцов, З. И. Лучник, Я. Я. Васильев и я, были гостями В. Л. и Н. В. Комаровых в их доме. Помимо нас, присутствовали А. С. и В. С. Порецкие и жена последнего.

Помню, мы собрались в один из воскресных дней вече-

ром и первоначально расположились в гостиной вокруг любезных хозяев. В квартире Комаровых на меня большое впечатление произвело множество живых растений и прекрасные акварели с видами вечернего Владивостока и вулкана Фудзияма. Ровно в 20 ч. все проследовали в столовую с отлично сервированным столом. При распределении гостей, мне, как самой молодой, было предложено место рядом с Владимиром Леонтьевичем, чем я была страшно напугана. Однако в продолжение всего вечера я не чувствовала никакой скованности. Владимир Леонтьевич был прост, мил, весел. Очень интересно рассказывал отдельные эпизоды из своих путешествий по Дальнему Востоку, декламировал что-то из Лермонтова, подшучивал над А. С. Порецким, заблудившимся в 1932 г. в горах южного Сихотэ-Алиня. Помню, на десерт были поданы крупные ярко-оранжевые испанские апельсины, увидев которые впервые, я не решилась их попробовать. Заметив мое замешательство, Владимир Леонтьевич взял один из самых крупных плодов, очистил его и предложил мне. Разошлись мы после полуночи, напутствуемые самыми добрыми пожеланиями.

В начале 1939 г. я вновь была в Ленинграде. В эту поездку мне довелось только один раз видеть Владимира Леонтьевича, которого я встретила в дальневосточном гербарии Ботанического института АН СССР, окруженного маститыми ботаниками. Увидев меня, он подошел, осведомился о моем приезде и устройстве в Ленинграде. Это была моя последняя встреча с великим ученым.
